

В ЭТУ НОЧЬ

1. *****

Задремлешь ли,
 когда не спят вокзалы
 и часовые не смыкают глаз?
 Захнычешь ли,
 коль терпеливы шпалы
 и поезда идут не в первый раз?
 Замрешь ли в уголку
 сверчком запечным,
 когда травинка даже в рост идет?
 Покажешься ли тихим и беспечным,
 когда на деле все наоборот?..
 Какая ночь над городом стоит!
 Услышишь отдаленный гул состава,
 и дрема мимолетная слетит,
 и выпрямятся все твои суставы.
 Какая свежесть в воздухе ночном!
 Как быстро
 в полночь переходит вечер!
 Какая мощь в движении речном!
 И сколько звезд
 нагнал с востока ветер!..
 Как книгу, глубь небесную прочти,
 взглядишь позорче в звездные дороги
 и —
 ощутишь физически почти
 свои желанья и свои тревоги.
 Ночь эта —
 после трудового дня,
 перед другим, уже ко мне идущим,
 каким-то счастьем дышит на меня,
 какой-то широтой, вперед зовущей.
 Бежит река,
 спешит издалека,
 волнуется, тревожится, клокочет...
 О чем она волнуется, река?
 Чего она, взволнованная, хочет?
 Приходят люди разные к реке,
 от чертежей приходят, от цемента,
 огни и тени видят вдалеке,
 стоят, молчат, задумавшись над чем-то.
 Все, что скопилось возле берегов —
 монастыри, палатки и заводы,
 в себя вбирают испокон веков
 не знающие остановки зады.
 Бежит волна, волнуется волна;
 дается от рожденья ей движенье,
 как и всему.
 Но кроме ей дана
 завидная способность
 отраженья.

К далекому спеша издалека,
 она сближает человека с веком.
 Об этом и волнуется река.
 За этим и приходят
 люди
 к рекам.
 2.
 О молодость бездомная моя,
 сдружившаяся с песней и дорогой!
 Скажи-ответь, в какие ты края
 теперь подашься с прямою строгой?
 Иль, может,
 лучше б жить тебе вчера,
 уйти на много лет назад,
 обратно —
 туда, где возбужденное «ура!»
 гремело по просторам многократно?
 Туда, где стоит лишь спросить судьбу,
 и две приметы даст заменой детству:
 наружную — лиловый бант на лбу,
 к внутреннюю —
 жажду битвы в сердце.
 О молодость!
 Во сне ли?
 Наяву!
 И мне бы —
 на фронтах войны гражданской
 с коня срываться в пыльную траву,
 и умирать,
 и заново рождаться...
 Но все прошло.
 Ни сабли, ни коня...
 И только в том сейчас моя заслуга,
 что вот лежит в кармане у меня
 ракетница, подаренная другом.
 3.
 Нам было вместе сорок с лишним лет,
 мы шли в последний раз по переулку;
 и пошутил он:
 — в дни великих бед
 давай в зенит ракету —
 КРАСНЫЙ свет -
 и вызовешь меня,
 как Сивку-Бурку.
 Мы жили, как единая семья,
 и вот...
 Конец.
 Тревога перегонов.
 И поезд подошел.
 И помню я
 ту изморозь на крышах всех вагонов.
 И уезжает друг мой.
 А пока
 еще он недалек, еще он рядом,
 и крепкая протянута рука,
 и два зрачка, а в них два огонька:
 — На новом месте —
 у меня сестра там!

И лязгнули протяжно тормоза,
и провода тревожно загудели,
и ставшие знакомыми глаза
прощально и внимательно глядели.
Кончалось что-то.

Что-то начиналось.

Вагоны плавно ускоряли бег.

То вверх, то вниз рука вослед
качалась

и, помнится,
последний взмах был —
вверх.

Гудели-отходили поезда,
их отправлялось на восток немало,
а им взамен
всего одна звезда —
далекая и чистая звезда —
торжественно с востока выплывала.

4.

Мои тревоги...

Что сродни здесь им?

Прости меня, большой сибирский город,
что ты сейчас волнением моим
без колебаний надвое расколот.

Наступит день,
и встану в полный рост,
ш заключу,

что все вокруг —
отлично;

и будет мост —
в двенадцать арок мост —
соединять два берега привычно.

И левый берег —
это старина.

А правый берег —
это новизна.

Она похожа чем-то на весну,
и, видно, потому в огромном мире
мне хочется увидеть новизну
отчетливей, правдивее и шире.
Созвучно этой радостной весне
во мне живет апрельская охота
к ничем не удержимой новизне
добавить долю своего чего-то.

И оттого, наверно, я горю
победным Светом —

радостно и ясно,
и с гордостью сегодня говорю:

— Я строил
правый берег Красноярска!

5.

Гляди! —

видать и за десяток верст:
практичны, своевременны и яркие,
горят подобьем недалеких звезд
слепащие огни электросварки.

Не сился, не выдумывай, не лги,
не путайся, как в сложном коридоре,
а просто

лучше память напряги,
и все предстанет, словно на ладони.

Пройди сквозь город весь
из края в край,

на стройках к стенам прикоснись
руками,

названия всех улиц прочитай,
и ты поймешь:

душа его —
не камень.

Он, город,

выпускает круглый год

станки и книги,
зданья и наряды,

но если нужно, если час придет, —
он даст снаряды

и опять снаряды.

б.

Бывает так: пройдет внезапно сон,
и ты опять вернешься в явь, проснешься,
и утреннему солнцу засмеешься,
и сердце с той минуты, как проснешься,
с будильником забьется в унисон.

Апрельский воздух.

Ожиданье почты.

Победное нашествие минут.

А за Окном нахохленные почки -
вот-вот поход решительный начнут.

И, увидавши прозелень прожилок,
что завели с зимою смелый спор,
в недоуменье чухаешь затылок:

— Чего ж я не побрился до сих пор?..

Потом,

подтянутый и молодой,

на улицу весеннюю выходишь,
шагаешь над проточною водой

и не поймешь, чего так жадно хочешь.
Куда спешишь?

Чему ты рад с утра?

И вдруг припомнишь:

скоро

будет

праздник!

И обещаю близкого добра

в трамвай вобьется

стаяка старшеклассниц.

И день приходит...

Четок каждый шаг.

И, от отцов доставшийся

в наследство,

трепещет, бьется над тобою флаг —

единый для проспекта

и для сердца.

7.

И почему-то кажется порой,

что, возраст свой имеющий и имя,
я —

тоже город

с собственной судьбой,

с заводами и парками своими.

Я тоже город. Потому что мне

необходимо с городом сравняться,

чтоб день грядущий различить полней

и чтобы лучше в прошлом разобраться.

Я тоже выпускаю круглый год

станки и книги,

зданья и наряды,
но если нужно, если час придет,
я дам снаряды
и опять снаряды.
Я тоже ширюсь,
а давным-давно
с единственного начинался дома,
и было только это мне дано,
а остальное было незнакомо.
Я знал прикосновение ломов
и знал мороза цепкие препоны,
и помню, как в ряды моих домов
вступали новые микрорайоны.
А ныне встал светло и благодарно,
и не пойму, как раньше жил без них —
без этих вот Черемушек своих,
родившихся совсем еще недавно.
Я думаю, я говорю себе,
что жить нельзя сегодня по старинке.
Чего тянуть?
Зачем в своей судьбе
отдельные выискивать соринки?
Придет бульдозер, мощью налитой,
и наведет по-своему порядок,
и стану я прекрасен
красотой
раскинутых под небом
стройплощадок.

8.
Да вспыхнет ярче
чистый свет идей!
Да грянут звонче красоты позывы!
Да ослепят
и оглушат людей,
которые живут
без перспективы.
Я мыслю так:
вот люди;
вот они!
Есть летчик,
есть полярник,
есть геолог...
А есть такие:
как ни поверни,
откуда ни взгляни —
все тот же олух.
Глядится олух вкрадчиво во тьму,
своим упрямством доведет до скуки,
и мне ли позавидовать ему,
коль у меня и мастерки,
и руки?
Покоя и довольства не приму:
Я-
не законченный
скульптурный слепок,
Я-
строящийся город.

Потому
не обошлось без мусора и щепок.
Но щепки...
Не забыть мне эти дни —
шофер был злым,
сидел в кабине буквой,

бетон был мерзлым;
но зато они —
они незаменимой были штукой.
Так пусть же,
жарким пламенем дыша,
по знаку, что подаст прораб или мастер,
сожгут щепу костры твои,
душа,
разогревая стынущую массу.
Пусть всюду пахнет кирпичом,
раствором,
и пусть вокруг возводятся леса,
чтоб в новом дне —
сверкающем и скором —
проглянула и новая краса.
Пусть на широких улицах моих
цветам и маю радуются дети,
и буду я пускай за всех за них
пред Родиной, пред временем в ответе.
Веселые, счастливые с лица,
окажут любопытствующим роem.
А вдруг
в грядущем встретишь
подлеца,
а не одних поэтов да героев?!

Мне верится,
что после всех забот
и вопреки нахлынувшим преградам
и тот же буду, и уже не тот,
как вот Акмолинск
стал Целиноградом.
Простыми и правдивыми словами
смогу сказать грядущим дням:
— Я здесь!
Смотрите,
вот, стою я перед вами —
старинный весь
и обновленный весь.

9.
О молодость!
Опять тебя встречаю.
Нет у меня
ни сабли,
ни коня;
но четче
контур твой обозначаю
и —
что такое?! —
снова на меня
глядят глаза -
знакомые, простые,
но только не прощальные никак,
и огоньки, как будто золотые,
неудержимо светятся в зрачках.
И радостно,
приятно мне, что ты
не затихаешь тягостно и глухо,
а повторяешь все его черты —
черты незабываемого друга.
Ты, молодость,
прекрасна, как гроза;
грохочет гром — речистая громада,

как будто правду говорит в глаза,
и обижаться на него не надо.
Бывало трудно, да;
но никогда
ты в связях
и в подмогах не нуждалась,
лишь повторять любила иногда,
что Африка —
сама освобождалась.
Светлела ты,
старалась быть ты лучше,
как солнце, рвалась через толщу, туч
и изрекала вдруг, что слово «лучше»
произошло, видать, от слова «луч».
Чтоб о тебе
и через срок предолгий
узнать смогли в грядущем далеке,
пускай тебя изобразит художник —
мозолистую,
с ломиком в руке;
и композитор
в звуки переложит,
как ты решала, молодость моя:
— Когда другой
свершить большое может,
то почему же
не смогу и я?
Не с легким и беспечным ветерком —
ты побраталась
с настоящим ветром,
и за спиной,
натертой рюкзаком,
копились километр за километром.
Их поначалу малое число,
которое дала тебе дорога,
накапливалось, ширилось, росло,
пока не заменилось словом
«много».
Ни страха ты,
ни отдыха не знала,
пылала, как поленица в костре,
в сплошную неизвестность уезжала,
и только раз мне, помнится, соврала;
спросил:
—Куда ты?
и в ответ:
—К сестре!
10.
И, стало быть, она —
твоя сестра?—
Сибирь,
окрепшая совсем недавно,
что каторжною сплошь была вчера,
а нынче —
полюбуйся! —
легендарна.

...Вдруг из-за сопок
хлынет синий свет
и озарит поселок полусонный —
встает рассвет, громадится рассвет,
единый для травинки и для сосен.
Еще не слышен разговор и смех,

еще спокойна ближняя дорога,
и ничего, что заспан ты немного,
зато ты встал сегодня раньше всех.
Встает рассвет, громадится рассвет,
звучат мажорно голубые нити;
и скоро через этот синий свет
рванутся «МАЗы»
с розовым гранитом.
И наступает утро.
Здравствуй, утро!
Прими мои приветствия
с крыльца!
Пусть будет в жизни
просто все й мудро,
а главное —
правдиво до конца.
Под этим небом —
утренним, погожим —
попробуй радость в сердце утаи,
когда похожи —
до чего ж похожи! —
распил сосны и волосы твои.
И ты с сосною и пилой знаком,
и ты знаком с приметамы Сибири,
с назойливейшим в мире комарьем
и с гидростанцией, крупнейшей в мире.
Как в детстве
слыша трубный голос горна,
с такою прямою и сейчас
готов идти, спешить куда угодно —
искать и строить, жить и изучать.
Готов туда,
где только свет костра,
где первые разбросаны палатки...

Так, значит, эта жизнь —
твоя сестра?
Ну что ж!
с такой роднею —
все в порядке!
11.
Да, все в порядке.
Надо лишь идти,
свое принявши в жизни назначенье,
и мелочам, что встретятся в пути,
не придавать особого значенья.
Сам от себя попробуй откажись,
когда поют,
грустят,
ликуют чувства,
и вдохновляет,
опьяняет жизнь,
как высшее создание искусства.
Сложны дороги жизни и круты,
а не просты, укатаны и гладки.
И будет трудно, холодно.
Но ты
знай: если трудно, —
значит, все в порядке.
И не сутулься.
Нам ли привыкать?
Свершим хоть что, а мелочи забудем.
Будь что угодно,

только б не солгать
ни самому себе,
ни нашим людям.
А вам, готовым заявить опять,
мол, где же ночь?
мол, чересчур уж светел,—
что вам сказать? —
Не я же виноват,
что столько звезд
нагнал с востока ветер.
И та маячит в памяти моей —
далекое и чистое светило;
затушишь ли,
забудешь ли о ней,
как поездам взамен она всходила?
Нет, не погаснуть ясной той звезде,
не потонуть в тревожном мирозданье,
она бессмертна, и она везде —
и в черном небе,
и в моем сознание.
А жизнь, я знаю, чудо из чудес —
с тоской по милой,
с думами о хлебе...
И звездам, падать в августе
с небес,
и новым звездам зарождаться в небе,
И им светить сквозь годы и века,
не веря дряни,
презирая ругань...
И из кармана выхватит рука
ракетницу, подаренную другом.
Спасибо, жизнь!
И вот
в ночной зенит,
как самородок радости и света,
легко она,
ЗЕЛЕНАЯ,
летит —
не разберешь,
звезда или ракета.

1964 г.

пос. Инициаторов

